

1 января в российский прокат вышел фильм Андрея Кончаловского «Щелкунчик и Крысиный Король 3D», снятый по мотивам сказки Гофмана. **КиноПоиск** представляет интервью с режиссером картины.

Вы давно собирались снять этот фильм. Наверное, есть какие-то личные мотивы? Вам эта сказка чем-то дорога?

— Особенных личных мотивов у меня не было. Просто однажды меня наняли, чтобы написать сценарий для большого английского режиссера. Это было очень-очень давно, ваши родители еще ходили в школу. Ну а потом, спустя еще несколько лет, я вспомнил эту вещь - мне хотелось снять детскую ленту. Я думал о том, чтобы сделать картину, которая была бы в таком же жанре, как и «Мэри Поппинс» - сказка с чудесами, с летающими людьми, с добром, злом, с борьбой света и тьмы. Такая, чтобы взрослые люди себя почувствовали детьми.

— А когда вы прочитали оригинал сказки, произведение Гофмана, произвел ли он на Вас впечатление?

— Да я прочитал его, когда начал делать первый сценарий, в шестидесятые годы. Тогда и надо было читать Гофмана. К тому же, по-моему, у Дюма есть еще переложение, как раз для детей. Это ближе к Гофману, чем к Чайковскому.

— Как Вы думаете, эта сказка больше для взрослых?

— Все хорошие сказки - для всех. Нет никакого разделения. В каждой великой сказке есть что-то и для взрослых, и для детей. Можно же по-разному сделать сестрицу Аленушку и братца Иванушку, так, что и взрослые будут плакать.

— А для чего взрослым нужны сказки?

— Во-первых, в каждом взрослом есть ребенок, во-вторых, сказка — это форма иносказания, сказка — это древняя форма творчества. Это первобытная форма поэзии, потому что любая поэзия — это гипербола, а сказка — это настоящая гипербола. Любую сказку можно рассказать только для детей, можно рассказать только для взрослых, а можно рассказать для всех. Это зависит от способностей рассказчика.

— Вы же раньше не снимали сказок. Почувствовали особенности работы?

— Ну, когда Чайковский писал «Пиковую даму», а потом «Щелкунчика», никто же не спрашивал его, в чем разница работы. После драмы, фантастического реализма, он решил сделать «Щелкунчика» — балет для развлечения, скорее всего, для детей. К сожалению, американский зритель знает только произведение Чайковского, а мой

фильм не сделан по нему. В нем использована музыка Чайковского, но истории - Гофмана, поэтому американцам будет сложно смотреть картину. Они ожидают легкую, балетную вещь, а там есть и страх, и мрак, и опасность, и злодеи. Они бывают нелепо смешными, но тем не менее, могут стать и страшными.

— **То есть, Вы решили не облегчать зрителю задачу. Ваше отношение к зрителям...**

— У меня нет отношения к зрителям.

— **Никакого? Но Вы же хотите оказать на них какое-то воздействие?**

— Это отношение к моим героям. Я думаю о них и о своих чувствах. Вот когда Пушкин писал стихи, разве он думал о том, кто его будет читать? Он же думал о том, как выразить то, что его переполняет.

— **То есть это неправильно — думать о читателях и зрителях?**

— Нельзя не думать о них, потому что говорить надо на понятном им языке. Если вы неожиданно напишете роман на древнеегипетском, это будет гениально, но его никто не поймет. Вы не добьетесь результата. У художника есть желание свои чувства разделить с другими людьми, чтобы они почувствовали то же самое. Он же делает это для других. Он выражает свои собственные чувства, волнующие его в первую очередь, но для того чтобы поделиться ими.

— **В чем секрет правильного восприятия?**

— Правильного восприятия не существует отдельно от субъекта этого восприятия, от человека, который читает, слушает или смотрит. Если вы весь зал набьете эвенками — оленеводами, которые говорят на эвенкийском языке, — и они будут смотреть этот спектакль, то они вряд ли его правильно воспримут. Правильное восприятие зависит от тех, кто воспринимает.

— **То есть для каждого будет своя история в любом случае?**

— Конечно, у каждого ведь свой опыт и своя жизнь. Конечно, людей всегда что-то объединяет, схожие реакции в каких-то основных вещах. Но в музыке, например, абсолютно субъективные слезы могут быть у каждого отдельного слушателя, разные чувства и разные образы.

— **Но вот в кинотеатре люди смеются в одних и тех же местах и плачут одновременно.**

— Конечно, ведь кино искусство — с оговоркой, что на мой взгляд кино можно назвать вульгарным искусством, если сравнивать его с музыкой или поэзией

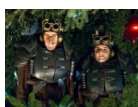
— **Кино в том состоянии, в котором оно сейчас?**

— Нет, вообще, как вид искусства. Оно оставляет слишком мало места ассоциации. Оно, в определенном смысле прямолинейно. Кино дает образ, конкретный образ. Когда вы читаете книгу, возникает ваше личное представление, музыка тоже создает только ваш образ, а тут вам дают что-то конкретное и ничего другого. Недаром люди после просмотра какого-то фильма говорят, особенно после экранизации: «Ерунда, я совсем не так все представлял». Кино не соответствует их представлению. Оно просто не может соответствовать представлению всех и каждого.

— **А зачем тогда вы занимаетесь вульгарным искусством?**

— Ну, во-первых, потому что у меня это получается. А во-вторых, режиссер при желании может добиться, чтобы у зрителя было пространство для его воображения и тогда кино перестает быть вульгарным, но это очень трудно. Например, эротика в литературе гораздо более эффективна, чем в кино, где легко показать пару в постели, но трудно передать их внутренние ощущения.

— **То есть, вы не вкладываете в слово «вульгарный» негативного смысла?**

— В какой-то степени, ибо, на мой взгляд, вульгарный — значит ограниченный. Любая вульгарность ограничивает... Театр — гораздо более высокое искусство, чем кино. Есть полифония, есть возможность интерпретации. Спектакль смертен, он увядает. А кино — можно сказать, как в консервах. Конечно, и оно может умереть, но это — застывшая форма, а театр — живая. Сегодня один спектакль лучше, завтра другой, все это живое и неизбежно приходит к концу. Спектакль записанный на пленку всего лишь документ, он живет, только когда звучит живьем. Спектакль это живые отношения между людьми. Вплоть до того, что артист может по разному себя чувствовать во время разных спектаклей... А может вовсе придти больной или даже нетрезвый.

— **Кстати, а в работе с российскими артистами и зарубежными для Вас есть различия?**

— Нет. Все артисты — существа очень уязвимые, и в них много трепета, в настоящих артистах. А это чувство общечеловеческое, интернациональное... Вообще-то, я не думаю, что актерская профессия сейчас является очень почетной. Она кончается.

— **Когда?**

— С началом всего этого "мирового маркетинга и рынка". Сейчас на первое место вышел спорт. Смотрите, какие футболисты замечательные спортсмены. Они зарабатывают немислимые деньги и являются национальными героями. Сейчас футбол занимает гораздо большее место в жизни людей, чем что-то духовное.

— А как Вы думаете, из-за чего такие изменения происходят? Это какой-то путь развития цивилизации?

— Деньги - вот причина. Раньше не было возможностей так много зарабатывать. Не было маркетинга, искусства манипуляции сознанием, не было научного подхода к теории рекламы. До Второй мировой войны реклама была в начальной стадии, а сейчас она стала идеологией всего цивилизованного мира. Реклама, а не продукт. Сейчас реклама важнее продукта, а раньше так не было, раньше продукт для себя делал рекламу. Шаляпин был гениальным певцом, а Лев Толстой был гениальным писателем, и реклама последовала за их талантом. Сегодня реклама может сделать кого угодно звездой, потом выкинуть и взять другого. Сейчас ценности создаются в денежном эквиваленте, а раньше они создавались в эквиваленте духовном.

— И Вы же стали частью этого...

— Ну, куда же деваться. Но я не могу не констатировать определенного пессимизма в отношении будущего человеческой цивилизации.

— А среди картин, снятых в 3D, Вы что выделяете для себя?

— Только «Аватар», и то его там слишком много. Слишком много 3D плохо, это утомляет. Нельзя кататься на американских горках три часа. 15 минут — хорошо, а два часа — можно умереть. 3D само по себе не является гарантией удовольствия для зрителя.

— Вам не кажется, что эти технологии опошляют, делают кино еще более вульгарным искусством?

— Это не технологии опошляют, это люди опошляют технологии. Любое изобретение человечества может быть использовано во благо и во зло.

— Но почему-то чаще выходит во зло...

— Это проще, наверное.

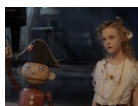
— А восприятие американского и российского зрителя будет разным? Вы думали об этом?

— Абсолютно разным. Американский зритель вряд ли поймет картину.

— Если Вы так думали, зачем запускать фильм в американский прокат?

— Надеялся, как дурак. Сегодня восприятие американского зрителя - особенно детей - уже сформирован: характерами, четко разделенными на хороших и плохих; философией позитивного мышления, которую американцы проповедуют и согласно которой зло можно уничтожить, и что детям нужно показывать только хорошее. Это делает детей неготовыми к жизни. Русский ребенок и не такое видел. И русский человек — это человек, который до сих пор понимает, что зло есть, что оно неизбежно, просто с ним всю жизнь придется бороться. Русский человек читает Достоевского. Да что там! Он сам — герой Достоевского. А американский зритель униформирован сегодняшним голливудским кинематографом, который стоит на том, что самое важное в картине — прибыль. Поэтому когда тратятся огромные деньги на картину, она должна понравиться всем. А что может понравиться всем? Как только возникает индивидуальность, то она раздражает. В Голливуде сейчас практически не осталось режиссеров, которые поднимают какие-либо моральные или этические вопросы. Практически нет. Ну, за редчайшим исключением! Все большие картины — это «Железный человек», «Трансформеры», где человек становится вторичным, а машина первичной, и все звезды вынуждены сниматься в этих лентах. Хелен Миррен, великая актриса, для того чтобы оставаться на поверхности, должна сниматься с ружьем в кожанке и стрелять в кого-то, потому что так устроен рынок. Она должна идти на компромисс, чтобы потом сыграть королеву Англии или Софью Толстую. Тут ничего нельзя поделать. В Голливуде художнику, который хочет быть независимым или выражать свои искренние представления о человеческом существе, делать нечего. Как написал выдающийся американский драматург и режиссер Дэвид Мэмет: «Голливуд это тоталитарная машина — художник должен либо подчиниться и сотрудничать, либо умереть.»

— Но вы же искренне снимаете?

— Те картины, которые я снимал в Голливуде... Это было 25 лет назад. Был другой Голливуд, тогда еще можно было снять «Крестного отца». Тогда Дэвид Мэмет работал в кино, а сейчас все кончилось. Картины стоят 250, 200, 180 миллионов, они рассчитаны на подростков, которые в основном играют в видеоигры. «Трон» — это видеоигра, где сделана видимость характеров и сюжета, для того чтобы позабавиться аттракционами, которые стимулируют наши достаточно первобытные инстинкты. Это другой способ развлечения, который имеет очень отдаленное отношение к искусству, но имеет прямое отношение к профессиональному созданию некоего эртертейнмента. Я бы не снял сегодня «Поезд-беглец», там слишком много философии, сейчас надо то, что снял Тони Скотт. Там нет философской притчи, которую написал Куросава. Мир изменился, он другой. Надо жить в этом мире и пытаться защитить свои идеи.

— А в России тоже все к этому идет? Потому что в нашем кино многие ориентируются на Голливуд, на его стандарты?

— К сожалению, это так. Голливуд имеет невероятное влияние на русский прокат и

русского зрителя. Русский зритель все больше садится на иглу этого кино, которое не имеет никакого отношения к жизни. Голливуд не имеет никакого отношения к жизни в США. Вообще. Конечно, остались Коппола, Вуди Аллен, Скорсезе. Но Коппола теперь снимает свое, маленькое кино, он Голливуду не нужен...

Это интервью было взято еще в ноябре, а в начале января Андрей Кончаловский снова связался с **Кинопоиском** и поделился своим мнением о прокатной судьбе фильма.

Знаете, перед новым годом я прочитал в «Известиях» о том, что Москву атаковали крысы: «...Вот уже несколько месяцев их можно увидеть практически везде, даже днем. Крысы к тому же обладают чем-то вроде коллективного разума, говорят специалисты. Это делает их почти неуязвимыми». Знаете, это очень в тему моего «Щелкунчика». Эту картину я пытался сделать много лет, еще в прошлом веке, пытался найти финансирование в Европе, потом в Америке и только несколько лет назад удалось найти заинтересованных инвесторов в России. Российский зритель, наверное, не знает, что большинство мировых кинодержав пытаются инвестировать и продвигать проекты на английском языке с участием американских звезд. Эти проекты предназначены для «интернационального проката», читай для американского рынка, в первую очередь.

Китай, Индия, Франция, Англия инвестируют крупные суммы в картины голливудского производства для того, чтобы попасть на американский рынок. Мало кто знает, что кинорынок США очень жестко охраняется от проникновения иностранных фильмов. Достаточно сказать, что в Америке запрещено дублировать иностранные картины для проката. Эти фильмы там идут только с субтитрами. Этим самым искусственно занижается количество потенциальных зрителей. Как вы сами понимаете, американцы не большие охотники читать вообще, а субтитры тем более. Так что иностранные фильмы, которые не финансировались американскими major-компаниями, имеют очень слабый прокат в Америке. Только вдумайтесь – за двадцать лет только 20 иностранных фильмов перевалило кассу в 10 миллионов! Чтобы проникнуть на американский рынок, японская компания Sony просто взяла и купила компанию **Columbia** и все фильмы этой компании производятся на японские деньги. Одна Россия никогда не пыталась этого сделать. И вот это первый опыт России, русских инвесторов, создать фильм международного значения, на английском языке, фильм русского режиссера, с музыкой великого русского композитора Чайковского для того, чтобы он вышел в мире. В том числе и в Соединенных Штатах. Я думаю, что это начинание абсолютно понятно и закономерно с точки зрения как политики, так и финансов.

В Соединенных Штатах, говорят, фильм не пошел, был принят негативно?

— Не то что негативно. У меня созрело ощущение, что американские компании, выпустившие свой продукт в этот период, его завалили, а «мои друзья» критики смешали с грязью, чтобы убрать конкурентов. У картины был потенциал, реакция зрителей была положительная, просто они не дали картине пожить. Фильм должен был выйти

ограниченным количеством копий – сорок, пятьдесят – в праздничный сезон, который самый финансово выгодный, с тем, чтобы, если зритель примет картину хорошо, расширить платформу до двухсот копий, а, может быть, даже до шестисот. (Этим методом пользуются прокатчики, когда выпускают «рискованные» фильмы, такие, например, как фильмы Терри Гиллиама).

Надо сказать, что первые просмотры фильма внушали большую надежду. Они прошли с большим успехом и отзывы членов комиссии **The Hollywood Foreign Press Association (HFPA)**, которая отбирает картины для «Золотого глобуса», были настолько позитивными, что у меня появилась надежда, что зрителями картина будет принята хорошо. Не только у меня, потому что тут же появился австралийский финансист, который был готов предоставить до 20 миллионов долларов, чтобы выпустить картину по всей стране в количестве до двух с половиной тысяч копий, и стать конкурентом на рынке. Но первые же рецензии в Америке были катастрофическими. Четыре-пять рецензий критиков из наиболее уважаемых газет были настолько уничтожающими, что никто этого не ожидал. У меня создалось впечатление, что они вообще не читали Гофмана, который, смею вас уверить, гораздо мрачнее и страшнее моего фильма. Они знают «Щелкунчика» по балету Чайковского, который представляет из себя очаровательный сказочный дивертисмент с гениальной музыкой! В этом смысле мой фильм гораздо ближе к оригиналу. Разумеется, после этих рецензий прокатчики свои надежды резко снизили, а австралийский инвестор тут же куда-то делся.

Я должен сказать вам, что я первый раз принимаю участие в выпуске фильма в прокат и первый раз вынужден следить за тем, как картина выходит в мире. Когда я приехал в США, картины стоили в двадцать и даже в пятьдесят раз дешевле! Только представьте себе - «Крестный отец» стоил всего 6 миллионов долларов, а «Трон» стоит 300 миллионов! Немудрено, что теперь просто окупить картину Голливуду требуется не только рынок США, но весь мир. И я открыл для себя, что за рынки и за зрителя идет настоящая война. И никакими средствами теперь не гнушаются – включая дезинформацию, негативный PR, искусственное создание отрицательного мнения. Это настоящая война не на жизнь, а на смерть. Мало того, что американцы очень строго следят за своим рынком, они, конечно, хотят получить еще все возможные рынки в мире, в том числе и российский. Так что, я думаю, что появление моей картины в Америке в рождественский период, когда выходят так же и картины «Диснея», вряд ли могло радовать исполнительных продюсеров этой огромной компании. Честно говоря, американцам не нужны русские фильмы не только за рубежом, но и в России! Им нужны деньги русских зрителей! И они их имеют! По последним сводкам 85% русского рынка уже было захвачено американской продукцией! Так еще немного и русские фильмы, вообще, некому будет смотреть в России, и прощай русское кино! Так что мой фильм был выбит из конкуренции очень эффективными методами практически в первые три дня его проката.

Я читаю в интернете отзывы, что фильм с «треском провалился в иностранном прокате». Однако, это просто сознательная дезинформация! Он не смог захватить экраны в Америке. Но в широком иностранном прокате он еще просто не вышел! Он

планируется к выходу в большинстве других стран только в следующем году. Мы, к сожалению, не успели выпустить картину во всех странах в это Рождество.

— Фильм теперь вышел в российском прокате. Тут ведь тоже у зрителя мнение неоднозначное?

— Мнение может быть и неоднозначное, очень много споров, но у нас полные аншлаги в большинстве кинотеатров! По неофициальным данным Щелкунчик был лидером проката в первые дни 2011 года! Это, по-моему, однозначное отношение. Для меня каждый фильм – это какая-то потребность, можно сказать, долг. Я должен был снять «Щелкунчик» и много лет шел к реализации этого проекта. Я его снял. И по большому счету я очень счастлив. Вы знаете, в моем возрасте главное не успех и не деньги, и не слава. А главное – это что-то узнавать каждый день про себя и про других. Про людей. Я учился на каждой картине чему-то и учусь каждый день, даже у тех людей, которые высказываются о «Щелкунчике» - плохо или хорошо.

Я благодарен всем, кто посмотрел фильм: и тем, кто его хвалит и тем, кто его ругает. Потому, что каждый из них прав по-своему. Если кому-то фильм не понравился, то он имеет право его ругать, и возмущаться. И мне интересно его слушать. Как сказал один мудрый человек: - «главное усилие – это заставить себя слушать то, что ты никогда бы не хотел слышать в жизни». Так что я благодарен каждому, кто искренне очарован и каждому, кто отчаянно разочарован, если он ожидал от моего «Щелкунчика» чего-то другого. Я, конечно, покривлю душой, если скажу, что мне все равно, понравился вам мой фильм или нет. Конечно, мне очень хочется разделить мои идеи с другими, ибо я делаю мои фильмы не только для себя, но и для других. Почему я говорю: «Для себя»? Потому, что ужасно, когда художник должен ненавидеть то, что он делает, ради того, чтобы понравиться другим.

Я думаю, что в определенном смысле русский зритель очень пристрастен ко мне. И я согласен с этим обстоятельством, потому, что я ответственен перед русским зрителем больше, чем перед любым другим. Просто потому, что русский зритель считает меня в определенном смысле «своим». Я часто вижу в репликах о моих американских картинах – «Одиссей», «Убежавший поезд» или «Танго и Кэш»: «это наш, Кончаловский». Поэтому я думаю, что с меня, как с русского человека, спрос русской аудитории должен быть пристрастным. Более пристрастным, чем к какому-то чужому американцу, которого они в глаза никогда не видели.

Но что я для себя открыл в интернете, что есть люди, которые искренне радуются чужим неудачам и радостно ожидают провала фильма. Для меня это открытие. Я, например, не слышал ни одного радостного вопля ни в России, ни тем более в Америке по поводу провала какого-то американского фильма в США или в России. Я просто не понимаю, почему кому-то хочется провала? Неужели кто-нибудь думает, что если другому приключится зло, то ему от этого станет жить светлее и лучше. Или смерть соседской коровы - приятный пустячок? Это самое интересное открытие, которое я сделал.

— А как вы относитесь к зрителю вообще?

— Я уже говорил, что пока я делаю фильм - никак! Вы знаете, я всегда старался снимать картины, истории, которые прежде всего волновали меня, в надежде, что они будут волновать кого-то еще. Я отношусь к кино, как к виду искусства, то есть к тому виду познания мира, с помощью которого художник делится со зрителем своим представлением о добре и зле, о прекрасном и уродливом, о боли и счастье, и самое главное, о нераскрываемой тайне человеческой души.. - делится со зрителем чувствами, которые делают человека, хотя бы на полчаса, после того, как потух экран, немного добрее, внимательнее к другим, может быть, совсем чужим людям. Признаюсь, что самое дорогое для меня после спектакля или фильма – это не аплодисменты и не оvation, а тишина и глаза, в которых можно прочесть человеческую благодарность. И должен сказать, что у меня такие моменты в жизни были и они для меня наиболее ценны. Потому что так я понимаю роль искусства.

Но искусство нельзя воспринимать, жуя поп-корн. Нет, конечно, когда вы смотрите какую-то развлекательную картину, то самое время хрустеть поп-корном и хлюпать кока-колой. Но заметьте, как только на экране происходит что-то, что вас задевает, или что-то трогает Вашу душу, то жевание останавливается. Значит, там возникает искусство, которое исключает жвачку. Я хотел бы, чтобы на моих фильмах перестали жевать и забывали бы о кока-коле. Хотя, скорее всего, это время уже никогда не вернется. Кто-то уже написал в блогах, что фильм собрал какие-то мизерные деньги в прокате. Должен сказать вам, что это еще одна дезинформация. Блогосфера, на мой взгляд, имеет сейчас очень большое влияние. Люди идут в кино, прочитав массу рецензий и уже заранее готовы к тому, чтобы сравнивать: то, что они увидели с тем, что они прочитали в блогах. Это очень любопытное явление. И это можно использовать и против картины. Например, недавно на одном сайте я прочитал такое замечание блогера: «Напишу, в пику ругателям, еще одну хвалебную рецензию. Фильм я смотрела еще до нового года и ничего не хотела о нем писать, на фоне того, что творилось на сайте; но все-таки не выдержала - количество дешевых отзывов, написанных ни о чем, по одному шаблону, людьми, зарегистрированными в тот же день, чтобы оставить один-единственный отзыв, прямо-таки зашкаливает. Причем это почему-то отрицательные отзывы... Были бы рекламщики, я бы еще поняла...». Как я уже говорил, фильм вышел в широкий прокат только 1 января 2011 года и за эти два-три новогодних дня «Щелкунчик и Крысиный Король» стал одним из лидеров по прибыли с экрана. Так что в финансовом смысле мы далеко не проваливаемся. И то, что картине уже пророчится полный провал – это несколько преждевременно. Хотя это тоже не исключено. Но мир еще эту картину не увидел. И будем судить по результатам.

Но должен вам сказать, что я первый раз в жизни говорю о таких вещах, как деньги при выходе моей картины на широкий экран. Я вынужден об этом говорить, потому что в интернете довольно много странных радостных высказываний, что «Кончаловский спустил государственные деньги на ветер». Я задумываюсь, почему среди зрителей стало так много разговоров о финансах? Раньше все фильмы финансировались государством, и никто об этом даже не задумывался! Кстати, для ясности: банк дал деньги на мою картину В КРЕДИТ! Ибо верил, и продолжает верить в этот первый на

английском языке проект, который вышел не из Англии и не из Франции, а из России! И вообще, разве важно для зрителя, сколько картина соберет? Эта странная одержимость какой фильм сколько собрал! В этом есть что-то чрезвычайно опасное для российского кино и порочное, и это, естественно, пришло из Америки, где судят о качестве фильма по тому, сколько картина собрала. Для меня это тоже большое открытие в новом поколении.

Я воспитывался в эпоху, когда о фильме судили по эмоциям, которые тебя затронули, по тем открытиям, которые зритель делал после картины, а не по кассовым сборам. Я думаю, чтобы сказал мой соратник, покойный Тарковский, если бы кто-нибудь стал считать сборы с его фильмов. Он, может быть, перестал бы снимать кино.